

Сани и гуси

— Готовь сани летом, — объяснил отец, когда я спросила, зачем он в горячую печь задвигает вопросительные знаки из расколотых в длину берез.

Весной рано утром по насту ездили мы на санях в лес, где ходили в самой гуще стройных берез и выбирали самые подходящие.

— Вовремя, Таня, мы к ним приехали! Слухай! Сок гудёт!

— Тятя, а вот смотри какая гладенькая, — показывала я.

Он подходил и проводил по стволу шершавой ладошкой:

— Несгонистая, и вправду годится.

Я уже знала, что выбирал он березки без сучков внизу и одинаковые по толщине сверху донизу. Не все березки шли «на полозье», как говорил отец. Отпилив нужные части, он ловко раскалывал их в длину по сердцевине. В тенистой стороне дома, где снег горбатился сугробом и еще не собирался таять, закапывались все эти древесные заготовки — замачивались, напитывались снеговой водой. Но часто полозье тятя закапывал в навоз: «Надёжи больше».

Гнул заготовки отец на хитром самодельном приспособлении и приговаривал:

— Вот ловко-то как у нас с тобой, Таня, получилось! И на дровни, и на розвальни согнули, и на санки тебе хватит.

Отдохнув, просил найти Годькин журнал с картинками.

— Боярыня Морозова, — читала я подпись под картинкой.

— Ишь как барыню унизить хотели, на мужицких розвальнях везут.

И тут уж мне самой становилось интересно, что это за барыня и почему ее везут на мужицких санях.

— Не враз картина написана была. Заглядал вчерась в журнал. Про посох-то целая история. Пишут, что художник посох заметил у старухи-паломницы. Схватил акварель да за ней: «Баушка! Посох-то дай посмотреть!» А паломница-то перепугалась, ишь разбойник какой, да и бросила палку-то.

— Тятя, а сани-то прям едут на картине, видал?

— Да, Тань, будто кованы. Не враз писана картина, не враз.

Сани наши тоже делались не вмиг. Полозье парилось в печи, потея березовыми слезами сквозь бересту. Ему еще много в руках отцовых побывать придется. А я уже мечтала о зиме, о горке, с которой так весело на санках своих катиться. На таких санках и ледяная горка не нужна, катись — не хочу, лишь бы склон был.

Горку тятя нам с детворой заливал в проулке. Зимой сугробы здесь громадились выше крыш. Лучше всего кататься с такой горки на глызах. Не пробовали на них кататься? И не знаете, что это такое? Эх вы! Коровья лепешка, замерзшая и облитая водой много раз, — это и есть глыза. Обмороженная лепешка скользила со скоростью звука. Мы так думали, потому что в ушах свистело. Но это было зимой.

А сейчас лето с бесконечно длинными днями. Длинными, а все равно жалко было уходить с Томского озера, на котором целыми днями паслись гуси. Захватив с собой материн маковый крендель и догоняя гусей, важно поднявших головы в степенном строю, рассматриваю под босыми ногами шелковистую пыль с кратерами от редких дождинок. Путь у нас долгий. Думаю: «И почему это на ближнее, Плотавское озеро, вокруг которого село расположилось, мать гусей не отправляет? Томское озеро чистое, нет никаких камышей, гуси на виду. Наверное, поэтому?» Потом вспоминаю, что гуси, как и мы, из озера почти не вылезают. Ребятяня понятно почему. Вода — парное молоко, соленая, дно чистое песчаное.

В какие только игры мы не играем. Гуси все дальше и дальше вбок уплывают и ныряют, ныряют. Рыбы в озере нет, играют, что ли? Вспомнила, как брат про горбунцов рассказывал. Эти рачки маленькие у нас только в Томском озере водятся. Гуси за ними и ныряют целыми днями. Траву пощипать выходят совсем ненадолго. Как и мы. Подкрепиться на ближайшей полянке ягодой, гусиным луком, калачиками, тем, что найдем. И снова бултых в озеро! До посинения, до гусиной кожи.

Хватая с берега свою одежду, догоняем гусей. Солнце им скомандовало: пора домой. Идут степенно по пыльному шелку. Нашим босым ногам горячо, мы бежим, подскакивая и подтанцовывая. Забегаем в околок, хватнуть кустиков клубники или костяники, а то и сыроежкой полакомиться.

Дорога идет мимо могилки. Боимся, но вида не показываем, только в ту сторону стараемся не смотреть.

Но вот гуси переходят баевскую дорогу, делятся на стада. Скоро дома.

За столом засыпаю с вкусным пирогом в руке. Сонную меня раздевают и укладывают в постель. До утра. До шороха стружки, запаха закипающего супа в печи. А снится мне гусь, который с горки горделиво катится на ледянке, а я обгоняю его на стремительных тятиних санках.

Тарелка, кошки, волны

Хорошо быть маленькой девчонкой. Особенно если твой брат учитель в твоей деревне. И играет на скрипке! И берет с собой в поездку на велосипеде!

На раму велосипеда привязывается подушка и в путь. На поясе у брата гремят какие-то железки, которые он называет почему-то «кошки». А катимся мы с ним от столба к столбу. Гоша влезает на самые их макушки (и, правда, как кошка!) с помощью своих доспехов. Объехал много столбов, возвращаемся на нашу Садовую улицу.

Брат велит мне идти в дом и смотреть на тарелку. Он ее зачем-то повесил на стену. Посмотрела я на тарелку. Ничего особенного. А она вдруг как затрещит, а потом прокашлялась и Гошиным голосом сказала: «Таня, а тебе где больше понравилось: на Светлом озере или Барабаново?»

Я с ревом спряталась под материн фартук. «Ради-ва это, Тань. Оно теперь всегда говорить и петь будет. Годька сделал!» От фартука вкусно пахло оладышками, мама их, шкворчащих, переворачивала на сковородке в печи. «Иди, послухай, и на улице тарелка поет». Неохотно оторвав взгляд от приплясывающих огоньков в печи, я вышла на крылечко. Поискала глазами патефон и не нашла. А песня звучала. «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...» Пела тарелка на столбе!

Я мечтала: буду учителем в школе, учить ребятшек грамоте и играть на скрипке или нет — буду носить кошки и лазать по столбам, чтобы везде говорило и пело радио.

«Лектрамонтер!» — сказала мама, накладывая нам с Гошей оладышков с малиновым вареньем.

Вкуснота! Гоша мне объяснил, что чуда никакого нет, а есть волны. «Ты же видела на озере волны от камешка, брошенного в воду?» «Так то в озере, — думала я. — Они молчаливые и исчезают». И решила, что в воздухе их тоже можно увидеть. Или пощупать. Только сидеть высоко надо. Гоша сказал, что волны по всему свету разбегаются и даже в Австралию доходят.

С тех пор мое любимое место — крыша дома. И береза в роще за огородом. На крышу надо по лесенке забираться. Сначала на веранду, а потом по прибитым ступенькам к самой трубе. Хорошо! Никто меня не видит, а я вижу всех. И никто меня не ругал. Наверное, очень ловко умела забираться. А может, Гоша матери не велел.

Но, конечно же, самое волшебное место — это верхушка березы. Брат научил меня отличать сухие сучки и выбирать надежные ветки. На моей березе они так густо росли, что никакого труда не составляло мигом оказываться высоко-высоко от земли. Низко — нельзя. Волны в листьях и ветках запутаются. А здесь, в вышине, волны касались моих ушей и кожи. Правда, не слышно. Но их тревожить было нельзя — вон куда им бежать надо, до Австралии! Я на макушке березы была тарелкой. Волны усиливала! Но сначала их долго-долго надо копить. В себе. К концу сеанса абонент становился доступен. Всему лесу. А может, и Австралии. С березы летело: «Отец мой был природный пахарь, а я работал вместе с ним!»

Рисунок Александра Карпова

